

Докшонов А.З.

соискатель Краснодарского университета
МВД России,
г. Черкесск

**РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРИСВОЕНИЯ И РАСТРАТЫ
ВВЕРЕННОГО ИМУЩЕСТВА
В СОВЕТСКИЙ
И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

Аннотация:

Федеральным законом от 1 июля 1994 г. была проведена реформа нормы о присвоении вверенного имущества. Основное содержание реформы: распространение уголовной ответственности на присвоение вверенного негосударственного и общественного имущества; определение хищения путем злоупотребления служебным положением в качестве квалифицированного присвоения вверенного имущества.

Ключевые слова:

Растрата, вверенное имущество, уголовно-правовое регулирование.

Dokshokov A.Z.

post-graduate student,
Krasnodar University of Russian Ministry of
Internal Affairs, Cherkessk

**DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW
REGULATION OF
MISAPPROPRIATION
AND EMBEZZLEMENT OF ENTRUSTED
PROPERTIES IN SOVIET
AND POSTSOVIET PERIOD OF
RUSSIAN HISTORY**

The summary:

Federal law of July 1, 1994 has been reformed rules on attribution of entrusted property. The main content of the reform: the spread of criminal liability on the assignment entrusted to private and non-public property, the definition of theft by malpractice as a qualified assignment entrusted property.

Keywords:

Misappropriation of entrusted property, criminal and legal regulation.

После установления советской власти в 1917 г. новое уголовное законодательство развивалось противоречиво. Такое положение объяснялось, во-первых, тем, что советская власть практически полностью отвергла имперское законодательство [1] и, во-вторых, чрезвычайно сложным внутривластным положением, когда законность заменялась целесообразностью, направленной на удержание и укрепление советской власти. Потребовалось определенное время для того, чтобы советский законодатель смог сделать первое обобщение развития уголовно-правовых норм – это произойдет с принятием Руководящих начал по уголовному праву РСФСР в декабре 1919 г. До этого вопросы уголовного права находили отражение в многочисленных, разрозненных, зачастую противоречащих друг другу нормативно-правовых и правоприменительных актах как высших органов советской власти, так и органов управления. Что же касается системного регулирования составов преступлений против собственности, включая присвоение и растрату чужого имущества, что это будет сделано только с принятием первого советского Уголовного кодекса 1922 г. [2].

Так, в этом кодексе имеются следующие соответствующие статьи:

«113. Присвоение должностным лицом денег или иных ценностей, находящихся в его ведении в силу его служебного положения, – карается лишением свободы на срок не ниже одного года с увольнением от должности.

Те же действия, совершенные должностным лицом, облеченным особыми полномочиями, или присвоение особо важных государственных ценностей, – караются наказанием, предусмотренным ч. 2 ст. 106*...

185. Присвоение, т.е. самовольное удержание с корыстной целью, а также растрата имущества, вверенного для определенной цели, учиненное частным лицом, – карается принудительными работами на срок до шести месяцев или лишением свободы на шесть месяцев.

186. Присвоение или растрата должностным лицом имущества, вверенного ему по должности, – карается наказаниями, предусмотренными ст. 113».

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что наказания за присвоение вверенного имущества (или растрату), совершенные недолжностными и должностными лицами, имеют сильное различие – государство жестко карает облеченных полномочиями лиц за преступные деяния.

В УК РСФСР 1922 г. содержится также норма, предусматривающая совершение данного преступления военнослужащим (ст. 207):

«Промотание, т.е. противозаконное отчуждение военнослужащим выданных ему (для носки) предметов казенного обмундирования и амуниции, а равно умышленная порча их или оставление без присмотра и в ненадлежащем месте, – карается лишением свободы на срок до одного года, при смягчающих же вину обстоятельствах – по правилам устава дисциплинарного с возмещением стоимости промотанных, испорченных или оставленных вещей.

Те же деяния, учиненные в отношении выданных виновному для служебного употребления холодного и огнестрельного оружия, патронов и лошади, – караются лишением оружия, патронов и лошади, свободы на срок не ниже одного года.

Те же деяния, совершенные в военное время или в боевой обстановке, – караются в случаях, предусмотренных 1 частью настоящей статьи, лишением свободы на срок не ниже одного года; в случаях же, предусмотренных 2 частью настоящей статьи, – не ниже трех лет или высшей мерой наказания».

Введением этой нормы советский законодатель сохранил традицию российского права выделять преступление против собственности в виде растраты (промотания) военного имущества (напомним, что впервые это было сделано в Артикуле воинском 1715 г.). В дальнейшем законодатель вновь обращается к регулированию состава данного преступления. Так, Постановлением ВЦИК от 10 июля 1923 г. были внесены изменения и дополнения в уголовный закон [3]. Так, диспозиция ст. 113 была изложена в измененной редакции: «Присвоение или растрата должностным лицом денег, ценностей или иного имущества...». В статье 185 в санкции мера наказания в виде лишения свободы стала формулироваться не фиксированным сроком («на шесть месяцев»), а относительным («до шести месяцев»). Статья 186 была вообще исключена «как поглощаемая ст. 113». В 1924 г. в СССР были постановлением ЦИК СССР приняты Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик [4] – в связи с образованием СССР. На основе этих Основных начал в том же году специалистами НКЮ был разработан проект нового Уголовного кодекса РСФСР. После одобрения на СНК законопроект был внесен на рассмотрение ВЦИК, и на второй сессии этого законодательного органа 12-го созыва 22 ноября 1926 г. он был принят. УК РСФСР 1926 г. [5] во многом воспроизводил предыдущий кодекс. Важнейшая особенность этого уголовного закона заключается в том, что законодатель отказывается от терминов «кара» и «наказание» и вместо них вводит термин «меры социальной защиты». Такое решение означало не просто изменение «вывески» – оно олицетворяло новый подход советской власти к вопросу о реагировании государства на общественно опасные деяния.

Этот шаг законодателя активно комментировался как современниками рождения новой концепции, так и учеными-правоведами всех последующих лет. Как нам представляется, сущность указанного подхода достаточно четко прозвучала в докладе П.А. Красикова, с которым он весной 1924 г. выступал на сессии ЦИК СССР с представлением Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Красиков говорил, в частности, о том, что исключается концепция возмездия и оставляются только «меры социальной защиты». Далее шло пояснение: «из самого определения, что наша карательная политика есть применение мер социальной защиты, ясно, против кого эти меры направлены... Прежде всего, самые суровые меры применяются к нашим классовым врагам, окружающим нас и пытающимся сделать в той или иной форме, грубо или тонко ту или иную интервенцию» [6]. Меры социальной защиты были предусмотрены и за совершение преступлений в виде присвоения и растраты имущества. При этом законодатель по-прежнему разделяет ответственность за присвоение (растрату) общественного (государственного) и личного имущества. Так, в ст. 116 УК РСФСР указывается, что присвоение или растрата должностным лицом или лицом, исполняющим какие-либо обязанности по поручению государственного или общественного учреждения, денег, ценностей или иного имущества, находящегося в его ведении в силу его служебного положения или исполнения обязанностей, влечет за собой лишение свободы на срок до трех лет.

Как видно, ответственность значительно повышена (ранее наказание составляло лишение свободы на срок до одного года). Кроме того, законодатель не указывает в санкции на увольнение от должности – этот вопрос решался в рамках трудовых правоотношений, где было предусмотрено увольнение работника «вследствие совершения нанявшимся уголовно-наказуемого деяния, непосредственно связанного с его работой и установленного вступившим в силу приговором суда, а также в случае пребывания нанявшегося под стражей более двух месяцев» (п. «д» ст. 47 Кодекса законов о труде РСФСР 1922 г. [7]). Если присвоение или растрата совершались теми же лицами, но при наличии у них особых полномочий, а также в случае присвоения особо важных государственных ценностей, то уголовная ответственность резко ужесточалась – «лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже двух лет, с повышением вплоть до расстрела с конфискацией имущества».

Важно заметить, что деяние, предусмотренное ст. 116 УК РСФСР, включалось в закон в главу «Должностные (служебные) преступления». Если субъектом преступления было любое иное лицо, т.е. не должностное лицо, то ответственность наступала в соответствии со ст. 168 УК РСФСР, в которой за «присвоение, т.е. удержание с корыстной целью чужого имущества, вверенного для определенной цели, или растрату этого имущества» предусматривалось лишение свободы на срок до двух лет. Здесь же указывалось на ответственность за присвоение находки – лишение свободы на срок до одного месяца. Эти общественно опасные деяния были включены в главу «Имущественные преступления». Как и ранее, выделялось соответствующее воинское преступление: «Противозаконное отчуждение (промотание) военным служащим выданных ему для пользования предметов казенного обмундирования и амуниции, а равно утрата, умышленная порча или оставление их без присмотра и в ненадлежащем месте» (ст. 193). Это деяние влекло за собой применение меры социальной защиты в виде лишения свободы на срок до одного года; при смягчающих обстоятельствах применяются правила Устава дисциплинарного с возмещением стоимости отчужденных, испорченных или утраченных вещей. Те же действия, учиненные в отношении выданных для служебного употребления холодного или огнестрельного оружия, патронов и лошади, влекли применение меры социальной защиты в виде лишения свободы на срок не ниже одного года; наконец, те же действия, совершенные в военное время или боевой обстановке, влекли за собой применение мер социальной защиты в виде лишения свободы не ниже трех лет или высшую меру социальной защиты (расстрел).

Можно предположить, что ущерб государству от имущественных преступлений был достаточно большим. Об этом может свидетельствовать Постановление ЦИИ и СНК СССР 10 августа 1927 г. «О порядке возмещения ущерба от растрат, присвоений и хищений имущества государственных учреждений и предприятий, кооперативных, профессиональных и общественных организаций» [8], которым регулировались вопросы возмещения причиненного ущерба. В этом документе указывалось, в частности, что в целях обеспечения возмещения ущерба (согласно ст. 403 ГК РСФСР, действующего на то время), причиняемого растратами, хищениями и присвоениями имущества государственных учреждений и предприятий, а также кооперативных, профессиональных и общественных организаций взыскание присужденных уголовным или гражданским судом сумм в возмещение растратленного, похищенного или присвоенного имущества государственных учреждений и предприятий, кооперативных, профессиональных и общественных организаций может быть обращено на все имущество осужденного (ответчика), кроме нижеследующего (и далее давался перечень такого имущества: а) безусловно необходимых для осужденного и лиц, находящихся на его иждивении, одежды, белья, обуви и предметов домашнего обихода; б) одной жилой избы, простейших сельскохозяйственных орудий и построек, необходимых для ведения трудового крестьянского хозяйства; в) семян для предстоящего посева в количестве, необходимом для ведения трудового хозяйства; г) простейших орудий личного труда осужденного, если он не лишен судом права на занятие данной профессией; д) паевых взносов в кооперативные организации; е) заработной платы в размере, определяемом судом, но не ниже установленного для данной местности государственного минимума заработной платы, а также пенсий и пособий и выдаваемых страховыми кассами пособий по случаю рождения ребенка на предмет ухода и кормления и смерти члена семьи). Кроме того, взыскание могло быть обращено и на все имущество, которым осужденный (ответчик) владел совместно с другими лицами, в том числе и на общее имущество крестьянского двора, к составу которого принадлежит осужденный (ответчик), а также на общее имущество супругов, если по суду будет установлено, что общее имущество увеличилось благодаря преступлению. Обращение взыскания на общее имущество допускалось лишь при условии соответствующей о том «оговорки» в приговоре или решении суда.

В статье 116 УК РСФСР позже было внесено изменение Постановлением ВЦИК и СНК от 31 октября 1927 г. «Об изменениях Уголовного кодекса во исполнение Манифеста 2-й сессии ЦИК СССР IV созыва» [9], в соответствии с которым смертная казнь за присвоение (растрату) имущества должностным лицом исключалась (равно как и за иные имущественные преступления, о чем, собственно, известил упомянутый в названии документа манифест в преддверии 10-й годовщины Октябрьской революции); вместе с тем за промотание военного имущества при отягчающих обстоятельствах смертная казнь сохранялась.

Послевоенный период был отмечен двумя направлениями уголовно-правового нормотворчества, обусловленные тем, что, с одной стороны, в послевоенной разрухе наблюдается рост экономической преступности, с другой – издаются прогрессивные нормы, обусловленные победой СССР в Отечественной войне. Развивая первое направление, советский законодатель значительно усиливает уголовную ответственность за хищение государственного и общественного имущества – это было сделано изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня

1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества [10], в котором «кража, присвоение, растрата или иное хищение государственного имущества» влекли за собой заключение в исправительно-трудовом лагере на срок от семи до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой. Повторное хищение, равно как и совершение хищения организованной группой (шайкой) или в крупном размере предусматривало наказание в виде заключения в исправительно-трудовом лагере на срок от десяти до двадцати пяти лет с конфискацией имущества. Несколько мягче каралось хищение колхозного, кооперативного или иного общественного имущества (соответственно заключение в ИТЛ на срок от пяти до восьми лет и от восьми до двадцати лет). Наказуемым объявлялось также недонесение органам власти о достоверно известном готовящемся или совершенном квалифицированном хищении (лишение свободы на срок от двух до трех лет или ссылкой на срок от пяти до семи лет).

Такой идеологический подход законодателя был сохранен при издании последнего вступившего в силу советского УК РСФСР 1960 г. [11]. Этот уголовный кодекс действовал (с изменениями и дополнениями) до 1 января 1997 г., т.е. до вступления в силу действующего ныне УК РФ. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. по сравнению с кодексом 1926 г. претерпел принципиальные изменения (прежде всего, это касается общих концептуальных положений: уголовный закон освободился, наконец, от сословно-классовых подходов в определении уголовной ответственности виновного в совершении преступления, в зависимости от его социального происхождения). Вместе с тем в этом уголовном законе еще ощущается воздействие политической доктрины. Так, по ряду норм проходит термин «социалистический(ая)» и тем самым подчеркивается идеологическая основа кодекса (как и в целом всего права нашей страны этого периода). Это проявляется и в различии ответственности за хищение имущества в зависимости от его статуса (разумеется, хищение государственного и общественного имущества наказывалось строже). В статье 92 («Хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением») соединил сразу два фактора – статус собственности и субъект преступления. Диспозиция основного состава выглядела следующим образом: «Присвоение, либо растрата государственного или общественного имущества, вверенного виновному, а равно завладение с корыстной целью государственным или общественным имуществом путем злоупотребления должностного лица своим служебным положением». Такое деяние наказывалось лишением свободы на срок до четырех лет, или исправительными работами на срок до одного года, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Нельзя не видеть, что ответственность вновь была существенно снижена. Однако квалифицированные составы присвоения или растраты карались по-прежнему довольно жестко: «Те же действия, совершенные повторно или по предварительному сговору группой лиц, – наказываются лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без такового. Действия, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, причинившие крупный ущерб государству или общественной организации, – наказываются лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой и лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью». Здесь же предусмотрена ответственность за присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного государственного или общественного имущества (ст. 97), однако в данной работе этот состав преступления не рассматривается.

Что касается присвоения (растраты) личного имущества граждан, то такого состава преступления (в отличие от кражи, грабежа, разбоя, вымогательства, мошенничества) новый уголовный закон не предусматривал вообще. Дело в том, что присвоение полагалось преступлением только в том случае, если имущество было, во-первых, государственным или общественным и, во-вторых, если оно вверялось должностному лицу. Вместе с тем правоприменительная практика столкнулась со случаями, когда, например, пассажир сдавал багаж в камеру хранения работнику вокзала, и это имущество затем присваивалось [12]. Для уточнения вопросов квалификации состоялся Пленум Верховного Суда СССР, который в своем постановлении от 31 марта 1962 г. разъяснил, что если лицо, которому вверяется имущество, не обладает указанными выше полномочиями, то хищение следует расценивать как кражу [13].

В УК РСФСР 1960 г. традиционно сохранялась норма о присвоении и растрате военного имущества: Статья 250. Промотание или утрата военного имущества:

а) Продажа, залог или передача в пользование военнослужащим срочной службы выданных ему для личного пользования предметов обмундирования или снаряжения (промотание), а равно утрата или порча этих предметов вследствие нарушения правил их сбережения – наказываются направлением в дисциплинарный батальон на срок от трех месяцев до одного года;

б) те же деяния при смягчающих обстоятельствах – влекут применение правил Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Союза ССР;

в) деяния, предусмотренные пунктом «а» настоящей статьи, совершенные в военное время или в боевой обстановке, – наказываются лишением свободы на срок от одного года до пяти лет;

г) утрата или порча вверенных для служебного пользования оружия, боеприпасов, средств передвижения, предметов технического снабжения или иного военного имущества вследствие нарушения правил их сбережения, – наказывается лишением свободы на срок от одного года до трех лет;

д) деяния, предусмотренные пунктом «г» настоящей статьи, совершенные в военное время или в боевой обстановке, – наказываются лишением свободы на срок от двух до семи лет».

В дальнейшем законодатель решил некоторым образом усилить наказание, предусмотрев в 1982 г. санкцию в виде исправительных работ не до одного, а до двух лет, а также предусмотрев возможность применения штрафа [14] (здесь нужно заметить, что в 1982 г. были существенно изменены и дополнены Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, что потребовало внесения соответствующих изменений и в республиканские уголовные кодексы. Речь прежде всего идет об указах Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1982 г. «О дальнейшем совершенствовании уголовного и исправительно-трудового законодательства» [15] и от 15 октября 1982 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР» [16]. Именно на этой правовой основе 3 декабря 1982 г. Президиумом Верховного Совета РСФСР был принят Указ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР», закрепивший новую редакцию свыше половины всех статей УК и в том числе редакцию рассматриваемой статьи).

Во второй половине 1980-х гг., начала общественно-политических и социально-экономических реформ, все чаще стал подниматься вопрос о необходимости равной защиты государственной и личной собственности граждан. Изменения видов и форм собственности как объекта преступного посягательства, формально стало возможным только после принятия на референдуме новой Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г., где ст. 8 предусматривается наличие в государстве различных форм собственности и защиты их равным образом. Соответствующие изменения в уголовном законе произошли в 1994 г., когда Федеральным законом от 1 июля были внесены изменения и дополнения в действующее законодательство [17]. Интересующая нас статья была сформулирована законодателем следующим образом:

«Статья 147-1. Присвоение вверенного имущества.

Присвоение или растрата чужого имущества, вверенного виновному, – наказывается лишением свободы на срок до двух лет, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до пятидесяти минимальных размеров оплаты труда.

Те же действия, совершенные повторно или по предварительному сговору группой лиц, а равно хищение государственного имущества путем злоупотребления должностного лица своим служебным положением – наказываются лишением свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества или без таковой.

Действия, предусмотренные частями первой или второй на стоящей статьи, совершенные в крупных размерах или организованной группой, наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества».

Таким образом, Федеральным законом от 1 июля 1994 г. была проведена реформа нормы о присвоении вверенного имущества. Основное содержание реформы: распространение уголовной ответственности на присвоение вверенного негосударственного и необщественного имущества; определение хищения путем злоупотребления служебным положением в качестве квалифицированного присвоения вверенного имущества. Еще до вступления этого Закона в силу (18 июля 1994 г.) уголовная ответственность за присвоение вверенного частного имущества была фактически установлена в судебной практике по норме о мошенничестве. Статья 147 УК при этом применялась в сущности по аналогии. Дело в том, что ст. 147 предусматривала ответственность не за хищение путем злоупотребления доверием, но за «завладение... имуществом... или приобретение права на имущество путем... злоупотребления доверием», что не имеет места при присвоении вверенного, когда виновный на момент присвоения уже имеет имущество в правомерном владении и не приобретает права на имущество, но обращает находящееся в его владении имущество в свою пользу либо в пользу другого лица. Это обстоятельство ранее неоднократно отмечалось в судебной практике, рассматривавшей присвоение вверенного личного имущества не в качестве мошенничества, но в качестве гражданского правонарушения. Развитие имущественных отношений потребовало криминализации присвоения вверенного частного имущества прежде всего в связи со злоупотреблениями служащих хозяй-

ственных обществ и товариществ, что и повлекло применение к этим случаям ст. 147 УК. Принятие Закона от 1 июля 1994 г. устранило потребность в аналогии, и законность была восстановлена. Здесь уже не делается акцента на форме охраняемой уголовным законом собственности, следовательно, допускается квалификация присвоения и растраты не только государственного или общественного имущества, но и частного, в том числе личного [18].

В своей основе указанная формулировка закона от 1 июля 1994 г. войдет затем и в действующий УК РФ 1996 г. Тогда же (1 июля 1994 г.) в уголовный закон была введена новая ст. 148-2 («Неправомерное завладение чужим недвижимым имуществом»), диспозиция которой выглядела следующим образом: «Неправомерное завладение чужим недвижимым имуществом с корыстной целью при отсутствии признаков хищения». Тем самым, законодатель вернулся к конструкции состава преступления, которое было предусмотрено уголовным законодательством Российской империи как присвоение недвижимого имущества (ст. 1678 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных), однако имперский законодатель позднейшего периода перевел ответственность из уголовно-правовой в гражданско-правовую (при отсутствии признаков мошенничества). Российский законодатель в УК РФ 1996 г. также отказался от этой нормы, хотя в литературе высказывалось мнение о ее целесообразности.

Ссылки и примечания:

1. Сборник нормативных актов по советскому государственному праву. М., 1984. С.14.
2. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. / Под ред. И.Т. Полякова. М.: Госюриздат, 1953. С. 116-141.
3. Текст ч. 2 ст. 106 выглядел следующим образом: «Если же превышение власти сопровождалось сверх того насилием, применением оружия или особо мучительскими или оскорбляющими личное достоинство потерпевших действиями, то карается лишением свободы на срок не ниже трех лет, а при особо отягчающих обстоятельствах – высшей мерой наказания».
4. Постановление ВЦИК «Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса РСФСР» от 10 июля 1923 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. / Под ред. И.Т. Полякова. М.: Госюриздат, 1953. С. 159-167.
5. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. // СЗ СССР. 1924. № 24.
6. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917-1952 гг.) / Под ред. И.Т. Полякова. М.: Госюриздат, 1953. С. 257-291.
7. Вторая сессия ЦИК СССР. Бюллетень № 4. М., 1924.С. 197.
8. Кодекс законов о труде РСФСР 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.
9. О порядке возмещения ущерба от растрат, присвоений и хищений имущества государственных учреждений и предприятий, кооперативных, профессиональных и общественных организаций // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917-1952 гг.) / Под ред. И.Т. Полякова. М.: Госюриздат, 1953. С. 234.
10. Постановление ВЦИК и СНК «Об изменениях Уголовного кодекса во исполнение Манифеста 2-й сессии ЦИК СССР IV созыва» от 31 октября 1927 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917-1952 гг.) / Под ред. И.Т. Полякова. М.: Госюриздат, 1953. С. 298-299.
11. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 19.
12. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // История уголовного законодательства советского государства (1917–1991 гг.): Сборник правовых актов / Сост. И.В. Упоров и др. Краснодар, 2000. С. 154–247.

References (transliterated) and notes:

1. Sbornik normativnykh aktov po sovet-skomu gosudarstvennomu pravu. M., 1984. P.14.
2. Ugolovniy kodeks RSFSR 1922 g. // Sbornik dokumentov po istorii ugolovnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR 1917-1952 gg. / ed. by I.T. Polyakov. M.: Gosyurizdat, 1953. P. 116-141.
3. The text of Part 2 of Art. 106 looked like this: "If the abuse of power accompanied by excess of violence, weapons or special painful or insulting personal dignity of the victims actions, it is punishable by imprisonment for a term not less than three years, and in particularly aggravating circumstances - the death penalty."
4. Postanovlenie VTSIK "Ob izmeneniyakh i dopolneni-yakh Ugolovnogo kodeksa RSFSR" ot 10 iyulya 1923 g. // Sbornik dokumentov po istorii ugolovnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR 1917-1952 gg. / ed. by I.T. Polyakov. M.: Gosyurizdat, 1953. P. 159-167.
5. Osnovnye nachala ugolovnogo zakonodatel'stva Soyuz SSSR i soyuznykh respublik 1924 g. // SZ SSSR. 1924. No. 24.
6. Ugolovniy kodeks RSFSR 1926 g. // Sbornik dokumentov po istorii ugolovnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR (1917-1952 gg.) / ed. by I.T. Golyakov. M.: Gosyurizdat, 1953. P. 257-291.
7. Vtoraya sessiya TSIK SSSR. Byulleten' No. 4. M., 1924.P. 197.
8. Kodeks zakonov o trude RSFSR 1922 g. // SU RSFSR. 1922. No. 70. Art. 903.
9. O poryadke vozmeshcheniya ushcherba ot rastrat, prisvoeniy i khishcheniy imushchestva gosudarstvennykh uchrezhdeniy i predpriyatiy, kooperativnykh, professional'nykh i obshchestvennykh organizatsiy // Sbornik dokumentov po istorii ugolovnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR (1917-1952 gg.) / ed. by I.T. Golyakov. M.: Gosyurizdat, 1953. P. 234.
10. Postanovlenie VTSIK i SNK "Ob izmeneniyakh Ugolovnogo kodeksa vo ispolnenie Manifesta 2-y sessii TSIK SSSR IV sozyva" ot 31 oktyabrya 1927 g. // Sbornik dokumentov po istorii ugolovnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR (1917-1952 gg.) ed. by I.T. Golyakov. M.: Gosyurizdat, 1953. P. 298-299.
11. Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 4 iyunya 1947 g. "Ob ugolovnoy otvetstvonnosti za khishchenie gosudarstvennogo i obshchestvennogo imushchestva" // Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR. 1947. No. 19.
12. Ugolovniy kodeks RSFSR 1960 g. // Istoriya ugolovnogo zakonodatel'stva sovet'skogo gosudarstva (1917–1991 gg.): Sbornik pravovykh aktov / Comp. by I.V. Uporov, et al. Krasnodar, 2000. P. 154–247.

13. Уголовное право. Часть особенная / Под ред. Н.И. Загородникова и В.Ф. Кириченко. М.: Юридическая литература, 1968. С. 143.
14. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1962 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1962. № 3. С. 11.
15. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1982. № 49. Ст. 1821.
16. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1982 г. «О дальнейшем совершенствовании уголовного и исправительно-трудового законодательства» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1982. № 30. Ст. 572.
17. Указ Президиума Верховного Совета СССР 15 октября 1982 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1982. № 42. Ст. 793.
18. ФЗ РФ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 10. Ст. 1109.
19. Клепицкий И.А. Вверенное имущество в уголовном праве // Законность. 1995. № 12. С. 25.
13. Ugolovnoe pravo. Chast' osobennaya / ed. by N.I. Zagorodnikov and V.F. Kirichenko. M.: Yuridicheskaya literatura, 1968. P. 143.
14. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR ot 31 marta 1962 g. "O sudebnoy praktike po delam o khishcheniyakh gosudarstvennogo i obshchestvennogo imushchestva" // Byulleten' Verkhovnogo Suda SSSR. 1962. No. 3. P. 11.
15. Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR. 1982. No. 49. Art. 1821.
16. Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 26 iyulya 1982 g. "O dal'neyshem sovershenstvovanii ugolovnogo i ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva" // Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR. 1982. No. 30. Art. 572.
17. Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR 15 oktyabrya 1982 g. "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v nekotorye zakonodatel'nye akty SSSR" // Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR. 1982. No. 42. Art. 793.
18. FZ RF "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Ugolovniy kodeks RSFSR i Ugolovno-protsessual'niy kodeks RSFSR" // Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 1994. No. 10. Art. 1109.
19. Klepitskiy I.A. Vverennoe imushchestvo v ugolovnom prave // Zakonnost'. 1995. No. 12. P. 25.